

Т. Л. МОТЫЛЕВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ТОЛСТОЙ

(О некоторых общих чертах их международной судьбы)

Мировое значение Достоевского еще очень недостаточно изучено. Эта тема живо интересует и долго будет интересовать исследователей.

Круг зарубежных писателей, запечатленных влиянием Достоевского, гораздо шире, чем мы это себе представляем. Стоит подтвердить это хотя бы одним примером.

Мы привыкли связывать творчество Мопассана с творческими заветами его старшего друга Тургенева; известны, с другой стороны, уважительные и взволнованные высказывания Мопассана о Толстом. Однако совсем недавно известный французский исследователь Мопассана А. Виаль опубликовал книгу историко-литературных этюдов, в одном из которых очень конкретно, прямым сопоставлением текстов, показано влияние Достоевского на творчество Мопассана. Чтение романов «Преступление и наказание», «Идиот» (появившихся во французских переводах соответственно в 1884 и 1887 гг.) отзывалось на некоторых страницах Мопассана, проникнутых острым чувством одиночества, возмущением жестокостью бытия, — в частности, в рассказах «Муарон», «Орля», «Сумасшедший», в неоконченном романе «Анжелюс».¹

Мопассан был уже вполне сложившимся художником, когда впервые прочитал Достоевского, — те мотивы, которые, по мысли Виалья, восходят к Достоевскому, относятся лишь к завершающему этапу творчества автора «Милого друга». Гораздо большее значение имели опыт и пример Достоевского для зарубежных писателей, которые вошли в литературную жизнь в конце XIX или в XX в.

И тут мы сталкиваемся с закономерностью, которую нельзя игнорировать. Влияние Достоевского на зарубежных писателей

¹ См.: Vial A. Faits et significations. Musset, Hugo, Baudelaire, Verlaine, Balzac, Sante-Beuve, Flaubert, Maupassant. Paris, 1973, p. 207—209.

во множестве случаев взаимодействует, переплетается (гораздо реже — сталкивается) с влиянием Толстого.

Инерция механического противопоставления Толстого и Достоевского, кажется, уже преодолена в нашем литературоведении. Верно писал об этом Г. М. Фридендер: «Сейчас в сознании большинства людей — не только у нас в стране, но и за рубежом — имена Достоевского и Толстого стоят рядом. <...> Рука времени, этого „всеякого упростиеля“, по выражению А. Н. Веселовского, отодвинула на задний план те различия, которые представлялись главными при сопоставлении жизни и произведений Толстого и Достоевского не только Мережковскому, но и многим его предшественникам и современникам, обнаружила более важное и глубоко органическое внутреннее единство исторического дела обоих писателей, являющихся в наших глазах в одинаковой мере предшественниками литературы XX в.»²

К этому стоит добавить: «великим упростиелем» в литературном процессе иной раз может оказаться не только время, но и пространство и государственные границы. Различия, отделяющие Толстого и Достоевского, на большом географическом расстоянии не то чтобы вовсе стирались, но становились, даже в глазах очень пронизательных западных деятелей культуры, менее существенными.

В этом смысле характерны свидетельства больших передовых писателей нашего столетия Р. Роллана и Г. Манна: оба они, вспоминая о том потрясении, которое вызвала в умах читателей Запада русская литература, вышедшая в 80-е годы прошлого века на международную арену, называют рядом имен Толстого и Достоевского. И оба они — независимо друг от друга — пытаются определить то общее, что в глазах зарубежных читателей объединяло обоих русских классиков. «Страсть к правде», «одержимость правдой», — говорит Р. Роллан.³ «Правда, непримиримая правда о положении людей»,⁴ — говорит Г. Манн.

Лишь одного из крупнейших писателей XX в. долгое время живо занимала именно несхожесть, именно различия в духовном и творческом облике Достоевского и Толстого: это Т. Манн. В его склонности заострять эти различия, доводить их до контрастности отчасти сказывалось воздействие взглядов Мережковского, от которого Т. Манн освобождался лишь постепенно. Вместе с тем те психологические и литературные сопоставления Толстого и Достоевского, которые можно найти в эссе и письмах Т. Манна разных лет, сопоставления часто спорные, всегда интересны, всегда носят отпечаток его тонкой аналитической мысли

² Фридендер Г. М. Достоевский и Лев Толстой. (К вопросу о некоторых общих чертах их идейно-творческого развития). — В кн.: Достоевский в его время. Л., 1971, с. 67—68.

³ Роллан Р. Собр. соч. Т. I. Л., 1930, с. 32.

⁴ Манн Н. Ein Zeitalter wird besichtigt. Berlin—Weimar, 1973, S. 47.

и в конечном счете провигнуты глубочайшим уважением к общим русским классикам, к русской классической литературе в целом — к ее реализму, нравственной силе, духу подвижничества.⁵

И у Достоевского, и у Толстого были и есть в литературах разных стран свои ученики, почитатели, последователи. Однако в большинстве случаев те, кто учатся у Достоевского-художника, проявляют интерес и к Толстому. И наоборот.

Характерный пример тому — У. Фолкнер. Американская критика еще при жизни сравнивала его с Достоевским, имея в виду те черты сходства, которые больше всего бросались в глаза: резкость контуров, сумрачный колорит общей картины, повышенное внимание к темам вины и преступления. Несколько лет назад бельгийский ученый Ж. Вейсжербе в обстоятельной монографии о Достоевском и Фолкнере пошел вглубь, показал то, что объединяет их в плане социальной, философской проблематики, особенностей романтической структуры, приемов построения образов. Однако Фолкнер тяготел не только к Достоевскому, но и к русской классической литературе в целом — он знал Гоголя, Тургенева, Чехова, любил, неоднократно перечитывал «Анну Каренину» и «Войну и мир». В одной из новых американских работ отмечена существенная черта Фолкнера, сближающая его с Толстым: негритянский вопрос иной раз встает перед фолкнеровскими состоятельными южанами с такой же мучительной остротой, с какой вставал крестьянский вопрос перед героями Толстого.⁶ Премущественная связь с Толстым проявляется у Фолкнера и в антимилитаристской концепции его романа «Притча», и еще более

⁵ Трудно согласиться с А. В. Чпчеринным, когда он пишет о статье Т. Манна «Достоевский — но в меру»: «Несмотря на разбросанные там и здесь довольно банальные комплименты, Достоевский в этой статье принижен страшно» (Вопросы литературы, 1974, № 4, с. 289). Конечно, само сближение имен Достоевского и Ницше в этой статье Манна может произвестись, на первый взгляд, странное впечатление. Но тут важно учесть: над статьей о Достоевском Манн работал в период, когда он напряженно и критически размышлял над Ницше, готовился к «прощанию» с ним — как и со всем наследием немецкой реакционной иррационалистической философии. Окончательный расчет с ницшеизмом Манн осуществил немного времени спустя — и в романе «Доктор Фаустус», и в эссе «Философия Ницше в свете нашего опыта». В статье «Достоевский — но в меру» Манн избрал для анализа Достоевского субъективный и спорный ракурс. И все же статья эта содержит ценные и весомые положения. Достаточно вспомнить о том, как Манн сопоставлял Достоевского с Прустом, показывает неизмеримое превосходство русского классика над самыми прославленными мэтрами модернистской прозы. Заслуживает внимания в этой статье и характеристика «Записок из подполья», противостоящая холяжам на Западе антигуманистическим интерпретациям этой повести: «Мучительные парадоксы, которые „герой“ Достоевского бросает в лицо своим противникам-позитивистам, кажутся человеконенавистничеством, и все же они высказаны во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторичности, прошедшего через все адские бездны мук и познания» (Манн Т. Собр. соч. Т. X. М., 1961, с. 345).

⁶ См.: Wilson E. The original of Tolstoy's Natasha. — In: Tolstoy. A collection of critical essays. Englewood cliffs, New York, 1967, p. 101.

заметно во всех произведениях, где человек дан во взаимодействии, соотносении с природой. Деревенская девушка Лина Гроув в романе «Свет в августе» — олицетворение народной стойкости, простодушия, доброты — фигура явно толстовского плана.

Еще пример — Ф. Мориак. В нем привыкли видеть писателя, близкого к традиции Достоевского, и такой взгляд в общем справедлив.⁷ Однако Мориак написал в 1960 г., отвечая на запрос составителей венгерской «Памятной книги о Толстом»: «Все романисты моего поколения во Франции испытали влияние творчества Толстого. „Война и мир“ — роман, который больше всего поразил меня и из всех инострапных романов оказал на меня наиболее сильное влияние. Я предпочитал Достоевского, но на меня воздействовало искусство Толстого».⁸

Вполне возможно привести и примеры обратного порядка. Р. Роллан, Р. Мартен дю Гар, Д. Голсуорси — художники, у которых следование толстовским принципам творчества очевидно и доказуемо, подтверждено их собственными неоднократными свидетельствами, давно замечено критикой. Однако, вчитываясь в их статьи или переписку, мы убеждаемся, что эти писатели интенсивно размышляли и над произведениями Достоевского, включали их в свою духовную лабораторию, а в чем-то порой и опирались на них.

А. Барбюс в романе «Огонь» новаторски, на революционной идейной основе продолжил толстовские реалистические традиции изображения войны («в ее настоящем выражении, в крови, в страданиях, в смерти»); в статье, напечатанной в немецком журнале «Форум» в 1920 г., Барбюс ссылаясь на Толстого, говоря о революционной миссии русского народа.⁹ Однако стоит напомнить вместе с тем, что в книге Барбюса «Россия» содержатся интересные замечания о Достоевском и его французских подражателях. Ранний роман Барбюса «Ад» (до сих пор читаемый во Франции и недавно переизданный) близок традиции Достоевского резким обличением уродств буржуазного быта, мучительным самоанализом героя — одинокой и уязвимой личности. А занимавшая зрелого Барбюса тема Христа в противопоставлении официальной церкви, возможно, восходит к «Легенде о великом инквизиторе».

Если попытаться перечислить виднейших западных писателей XX в., которые высказывались и о Достоевском и о Толстом, размышляли над их произведениями, в той или иной мере преимущественно связаны с ними обоими — список будет очень длин-

⁷ См., например: Милешин Ю. А. Национальные традиции и «урок Достоевского» в романах Ф. Мориака. — В кн.: Единство и национальное своеобразие в литературном процессе. Л., 1973, с. 97—117.

⁸ Факсимиле письма Мориака опубликовано в кн.: Tolsztoj emlékkönyv. Budapest, 1962.

⁹ Schmidt H. Deutsche Arbeiterbewegung und russische Klassik. 1917—1933. Berlin, 1973, S. 128.

ным. Стоит упомянуть хотя бы нескольких: Ш.-Л. Филлип, Р. Роллан, Р. Мартен дю Гар, А. Жид, М. Пруст, А. Барбюс, Ж. Дюамель, А. Камю, Ф. Мориак, Л. Арагон, Г. Гауптман, Г. Манн, Т. Манн, Р.-М. Рильке, Г. Гессе, Я. Вассерман, С. Цвейг, А. Цвейг, Л. Франк, И.-Р. Бсхер, Л. Ренн, А. Зегерс, Г. Белль, Э. Ленц, О. Уайльд, Д. Голсуорси, Д. Конрад, Д. Джойс, Р. Олдингтон, Г. Грин, Д. Линдсей, Т. Драйзер, Ш. Андерсон, У. Фолкнер, Т. Вульф, Э. Хемингуэй, А. Моравиа, К. Чапек, С. Жеромский, Я. Ивашкевич, Л. Стоянов... Можно назвать и еще имена.

Почти у каждого из названных писателей был и есть «свой» Достоевский или «свой» Толстой — круг изблюбленных произведений, образов, мотивов. В духовной жизни и творческой деятельности каждого из них оба русских классика соотносятся по-своему. У каждого из них по-своему действовали или действуют биографические, идеологические, творческие факторы, определявшие их обращение к тому или иному из великих русских писателей (помимо Толстого и Достоевского — к Гоголю, Тургеневу, Чехову, Горькому). Все это еще требует детальных исследований.

Одновременно все это побуждает нас еще и еще задуматься над тем, в чем заключается общий вклад обоих гигантов русского реализма в мировую литературу.

Тут необходима оговорка. Среди почитателей Толстого и Достоевского на Западе (как и — шире — среди писателей, проявивших бурный интерес к их творчеству с положительным или отрицательным знаком) были, как известно, далеко не только писатели-реалисты. Известно также, что идейно-творческие конфликты за рубежом вокруг обоих русских классиков развертывались по-разному. Иностранцы литераторы, связанные с реакцией и декадансом, чаще нападали на Толстого, чем на Достоевского, чаще пытались опереться на (односторонне истолкованного) Достоевского, чем на Толстого (который тоже не раз подвергался односторонним истолкованиям). Однако *главная* линия восприятия обоих великих русских писателей, *главная* линия их влияния на мировую литературу, по нашему глубокому убеждению, лежит в русле *реализма*. И органическое *единство* творческого дела их обоих сказывается прежде всего именно в этом плане.

Не случайно, думается, русское «вторжение» в западную литературу, взрыв всеобщего внимания и интереса к русским писателям падает на последние десятилетия XIX в. — период быстрого распространения социалистических идей в разных странах мира. Общеизвестно, как высоко оценивали Маркс и Энгельс революционные возможности России. Понятно, что передовые умы Западе (как и России) не могли видеть в Толстом и Достоевском прямых своих единомышленников. Однако примечательны слова Энгельса о «тенденциозности», т. е. идейной целеустремленности, современных русских писателей, которые пишут «превосходные

романы». Мы не можем сегодня установить, были ли знакомы основоположники научного социализма с произведениями Толстого и Достоевского. Энгельс во всяком случае в последнее десятилетие своей жизни слышал и читал о них: имена обоих русских писателей были у всех на устах, им не раз уделяла внимание и международная социалистическая печать.

Стоит напомнить широко известное положение Энгельса: социалистический тенденциозный роман, «правдиво изображая действительные отношения, разрывает господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывает оптимизм буржуазного мира, вселяет сомнения по поводу неизменности основ существующего, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону».¹⁰ В этом определении задач социалистического романа обобщен громадный опыт реализма XIX в. Сколь бы ни были далеки Толстой и Достоевский от идей научного социализма — очевидно, что они оба, полнее, чем кто-либо из их литературных предшественников или современников, осуществляли в своем творчестве эти задачи. Можно с уверенностью сказать, что ни один писатель XIX в. не расшатывал оптимизм буржуазного мира, не внушал читателям сомнений в неизменности основ существующего миропорядка с такой художественной силой и действительностью, с какой это делали авторы «Преступления и наказания» и «Анны Карениной», «Записок из Мертвого дома» и «Смерти Ивана Ильича».

Сила социального критицизма обоих классиков русского романа, демократическая сущность их творчества были уже в прошлом веке очевидны для многих зарубежных ценителей. Так, немецкий критик Г. Конради писал в 1889 г.: «Русские писатели обладают мужеством видеть <...> Толстой и Достоевский шли к народу, к пролетариату, к крестьянству».¹¹

Была ли в подобных высказываниях, отражавших первоначальное, стихийное восприятие русской литературы демократической интеллигенцией Западе, доля упрощения? Конечно, была. Но было и отчетливое ощущение, что и Достоевский, и Толстой, каждый на свой лад, говорят о самом главном, поднимают центральные, *коренные* вопросы жизни современного общества и современного человека.

В наши дни за рубежом существует обширная критическая и научная литература о Толстом и Достоевском, многие аспекты их

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 36, с. 333.

¹¹ Цитируется по весьма ценной и богатой материалом обзорной статье В. В. Дудкина и К. М. Азадовского «Достоевский в Германии (1846—1921)» (Лит. наследство. Т. 86. М., 1973, с. 667). — Много интересных фактов, говорящих о восприятии Толстого и Достоевского немецкой прогрессивной, социалистической мыслью, содержится в новых трудах ученых ГДР: Wegner M. Deutsche Arbeiterbewegung und russische Klassik. 1900—1918. Berlin, 1971; Schmidt H. Deutsche Arbeiterbewegung und russische Klassik. 1917—1933. Berlin, 1973.

творчества рассмотрены очень обстоятельно. Однако иные, даже видные, знатоки русской литературы на Западе более охотно говорят о силе психологического анализа, присущей обоим классикам, нежели о силе их социального анализа. А, казалось бы, очевидно, насколько неразрывно связаны открытия Достоевского и Толстого в области душевной жизни человека с познанием социальной жизни в ее самых острых конфликтах. Конечно, оба русских классика самой сутью своего творчества противостояли позитивистским учениям, ставившим личность в рабскую зависимость от «среды»: они утверждали нравственную ответственность личности — и эта тревожная постановка нравственных проблем стала одним из важнейших источников их влияния на всю последующую литературу. Однако и у Толстого, и у Достоевского отдельная личность вставала в такой полноте связей со средой в широком смысле слова, с обществом, страной, эпохой, какая вряд ли была доступна до них даже крупнейшим мастерам реализма.

Об этом стоит напомнить потому, что порой даже и в нашем литературоведении попытки определить различие между Толстым и Достоевским как художниками приводят к малопродуктивным результатам. Так, мы читаем в книге Н. Н. Арденса «Достоевский и Толстой»: «Центробежность в идейном формировании характеров у Толстого и центростремительность их в творческих приемах Достоевского стали одной из многих различительных черт их художественного письма. Достоевский мыслит в основном характерами («идеями»), за которыми виден социальный фон. Толстой мыслит и „характерами“, и „положениями“, всегда тесно спаянными с социальной сферой движущейся, изменяющейся и по-новому „укладывающейся“ жизни. И Достоевского, и Толстого можно назвать художниками характеров, изобразителями „личностей“, но если у Достоевского социальные „положения“ и „народная мысль“ выражены при этом сравнительно узко, то у Толстого вместе с его „положениями“, вместе с жизнью личностей нашла широкое отражение и „мысль народная“».¹²

Все это сказано очень неточно и отчасти неверно. Разумеется, эпическая героика народной жизни в «Войне и мире» не имеет себе прямых аналогий в творчестве Достоевского. Поистине, с другой стороны, что Достоевскому были доступны такие потаенные закоулки человеческой психики, какие лежат вне сферы искусства Толстого. Однако никак нельзя согласиться с тем, что в «Преступлении и наказании» или «Братьях Карамазовых» образ общества не более, чем «фон» — а не та *основа*, на которой складываются и развиваются характеры. Думается, вообще говоря, что такие термины, как «центробежность» и «центростремительность», не очень точны, когда речь идет о реалистическом романе, сама природа которого предполагает тесное взаимодей-

¹² Арденс Н. Н. Достоевский и Толстой. М., 1970, с. 100.

ствии индивидуальных характеров и судеб с социальным целым. «Роман — это значит социальный роман», — справедливо писал Т. Манн.¹³

Человек и общество, человек в обществе — таково в грубых, общих чертах содержание реалистического романа. Достоевский и Толстой бесконечно обогатили это содержание. Общеизвестно, что после Толстого и Достоевского стало уже эстетически неправомерно изображать человека однолинейным, однозначным. Но в такой же мере стало неправомерно, просто неинтересно писать (или читать) историю человека, который входит в общество с целью сделать карьеру. Благодаря Достоевскому и Толстому вошли в мировую литературу герой-правдоискатель, личность мыслящая, совестливая, прокладывающая себе путь в жизни в сложных борениях духа и противостоянии господствующему укладу.

Жан-Кристоф и Аннета Ривьер у Р. Роллапа, Жак Тибо у Р. Мартен дю Гара, Лоран Паскье у Дюамеля, Ганс Касторп у Т. Манна, Клаудиус Терра («Голова» Г. Манна), Гарри Галлер («Степной волк» Г. Гессе), Вернер Бертин, герой антивоенных романов А. Цвейга, Х. Бенбоу и Гэвин Стивенс в романах У. Фолкнера, Роберт Джордан у Э. Хемингуэя, Ганс Гастль в «Прощании» И.-Р. Бехера, Януш Мышинский («Хвала и слава» Я. Ивашкевича), — и эти, и многие другие герои литературы XX в., страстно желающие разобраться в окружающем мире, оправдать свое человеческое назначение, несут в себе, каждый по-своему, частицу того заряда нравственных поисков, который внесли в мировую литературу герои Достоевского и Толстого. Поистине, что не всегда эти персонажи реалистического романа XX в. обязательно приходят «к народу, к пролетариату, к крестьянству». Но они соотносят свои судьбы и дела с народной жизнью, и это нередко помогает им найти опору в своих исканиях. Путь мыслящей личности к народу — одна из больших сквозных тем реалистической литературы нашего столетия. Толстой и Достоевский стоят у истоков этой темы.

В XX в. художественная литература обогатилась большими проблемами, подсказанными драматической социальной действительностью революционного столетия. Без художественного опыта Толстого и Достоевского не могут обойтись создатели антивоенных и антифашистских романов. А. Зегерс в статьях «Князь Андрей и Раскольников» (1944), «Наполеоновская идеология власти в романах Толстого и Достоевского» (1948) убедительно показала, как важно наследие *обоих* русских классиков в современной борьбе против буржуазного индивидуализма в его крайних формах, против агрессии, человеконенавистничества. Сопоставляя в этом плане «Войну и мир» и «Преступление и наказание», она писала: «В обоих романах Толстого и Достоевского одна и та же

¹³ Mann T. Briefe 1889—1936. Frankfurt am Main, 1961, S. 238.

тема берется со столь различных концов, что она не сразу распознается как одна и та же тема. Так как эти книги доступны всем, не стоит предвосхищать впечатление читателя, выявлять частные параллели, которые при чтении возникают сами собой. Так же как и человек, находясь в тяжелом положении, вспоминает друга, достойного доверия, — он может в минуту, тяжкую для всех, обратиться к книгам, которые помогают и художнику, и читателю».¹⁴

Различия в природе реализма Толстого и Достоевского много раз были и еще будут предметом размышления и научного анализа. Однако здесь хочется прежде всего отметить, что оба они создавали реализм в *высшем смысле*, сочетающий бесстрашно конкретное воспроизведение жизненной реальности — вплоть до грубой житейской прозы — с одухотворенностью, полетом мысли, высотой поэтического, философского содержания. Оба они достигли мировой известности в период, когда и за рубежом сфера житейской прозы, доступная искусству слова, быстро расширялась, но сам принцип жизненной достоверности в практике писателей натуралистического склада обнаруживал таившиеся в нем опасности огрубления, приземления искусства. Достоевский и Толстой необычайно повысили авторитет реализма, показали его неисчерпаемость, обилие заключенных в нем возможностей — и открыли перед ним новые пути.

¹⁴ Soghers A. Über Kunstwerk und Wirklichkeit, Bd. II. Berlin, 1971, S. 156.

Л. К. ДОЛГОПОЛОВ

РОМАН А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ» И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДОСТОЕВСКОГО

В январе 1919 г. А. Блок написал статью «Интеллигенция и революция», в которой, отвечая буржуазным критикам, сказал: «...передо мной — Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой».¹

Почему обаятый революцией Петербург Блок уподобил Петербургу Достоевского? Что он тут нашел общего? На это мы как-то не обращаем внимания. Аналогия Блока молчаливо воспринимается нами как нечто странное и не совсем понятное, хотя вполне приемлемое.

Вместе с тем проблема здесь есть, и немалая. Это проблема общего восприятия Достоевского в литературной среде рубежа веков. Оно не было однозначным. Тот же Блок за полгода до статьи «Интеллигенция и революция», но уже после февральского переворота, редактируя отчеты комиссии по расследованию деятельности царского правительства, так передавал свои впечатления от последних лет царствования дома Романовых: «А у меня все время „большие дни“, т. е. я продолжаю погружаться в историю этого бесконечного рода русских Рюгон-Маккаров, или Карамазовых, что ли. Этот увлекательный роман с тысячей действующих лиц и фантастических комбинаций в духе более всего Достоевского (...) называется историей русского самодержавия XX века».²

Здесь у Блока — другой Достоевский, автор «Братьев Карамазовых», тяжелой и уродливой истории опустошения и вырождения, где господствуют падрыв и измельчание.

Как видим, в сознании Блока как бы присутствуют два Достоевских: один — бунтарь, «пророк революции», другой — быто-

¹ Блок А. Собр. соч. Т. 6. М.—Л., 1962, с. 9.

² Там же, т. 8. М.—Л., 1963, с. 493.